

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПРОГНОЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ МЕТОДИКИ РАСЧЕТА ИНДЕКСА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В.Г. Иванов

Кафедра сравнительной политологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

М.О. Поташина

Кафедра философии и политологии
Академия труда и социальных отношений (ОУП ВПО «АТиСО»)
ул. Лобачевского, 88-90, Москва, Россия, 119454

В статье содержится развитие идей, представленных в прошлом номере журнала. На основе предложенной В.Г. Ивановым методики расчета индекса национальной внешнеэкономической стабильности подготовлен прогноз уровня стабильности российского политического режима на кратко- и среднесрочный период. С учетом специфики развития Российской Федерации разработана методика вычисления дефлятора рассматриваемого индекса.

Ключевые слова: политическая стабильность, прогнозирование, индекс внешнеэкономической стабильности, экспорт, политический процесс.

В статье [4], выпущенной в прошлом номере журнала, было предложено использование индекса внешнеэкономической стабильности страны (Е) для сравнительного анализа и прогнозирования уровня политической стабильности отдельных стран. Напомним, что базовой предпосылкой предложенного подхода является эмпирически подтвержденный факт влияния внешнеэкономических параметров национальных экономик на устойчивость политических режимов. В предыдущей статье содержались, на наш взгляд, довольно убедительные исторические примеры такого влияния в российской истории, позволяющие сделать вывод о том, что внешнеэкономические параметры страны (в первую очередь динамика экспорта и тесно зависящие от нее объем и структура внешней задолженности) могут являться очень значимыми факторами как упрочнения, так и дестабилизации политических режимов.

Для определения общей динамики финансовой стабильности разных стран было предложено использовать синтетический индикатор, включающий в себя

ключевые из рассмотренных экономических переменных — ежегодный индекс внешнеэкономической стабильности (E), рассчитываемый по формуле:

$$E = \frac{A - B + C}{D},$$

где A — объем экспорта, B — сумма обслуживания внешнего долга, C — объем международных резервов, D — размер внешнего долга.

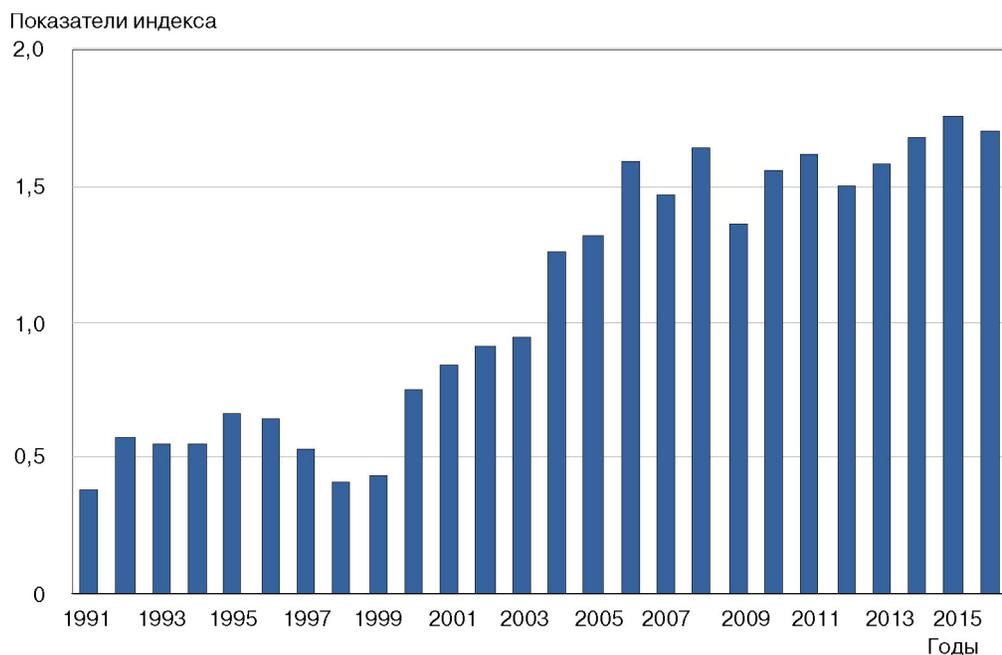
Чем большее положительное число получается в итоге, тем большее значение имеет индекс, что указывает на возросшую стабильность экономико-политической ситуации.

Рассчитывая доступные данные на конец или начало календарного года, можно строить временные ряды, сопоставляя между собой как экономико-политическую ситуацию в отдельной стране в разные годы, так и сравнивая между собой различные страны на основе этого немаловажного критерия их стабильности. На наш взгляд, достоинство предлагаемой формулы заключается в том, что она учитывает и долговую устойчивость страны, и состояние ее внешней торговли.

На примере России мы видим, что этот индекс принимал разные значения в различные периоды истории. В 2011 г. он был довольно высок и составлял 1,62. В то же время в 1991 г., накануне развала СССР и серьезнейших потрясений, с которыми столкнулась наша страна, он был существенно ниже, достигая критических значений — 0,38—0,4 (1). В начале 1917 г., накануне Февральской и Октябрьской революций, индекс составлял всего 0,21.

На основе доступных экономических данных по Российской Федерации несложно составить соответствующий временной ряд. Более того, на основании имеющихся данных за 20 лет можно попытаться с достаточно высокой точностью спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации в нашей стране, применив методы теории вероятностей к полученному временному ряду для его «продолжения». На рисунке представлены результаты наших расчетов, позволяющие определить примерную динамику внешнеэкономической стабильности России на достаточно длительный исторический период. Прогнозные данные на 2012—2016 гг. получены с использованием теории вероятностей (использовалась трехмерная линейная регрессия). В то же время, естественно, следует оговориться, что применение математического инструментария (тем более теории вероятностей) к прогнозированию политико-экономических процессов имеет существенные ограничения и нередко может приводить к неверным выводам.

На рисунке хорошо заметны как низкое значение индекса E в 1990-е гг., когда политический режим был неустойчив, так и эффект «путинской стабильности» 2000-х гг., обусловленный положительными изменениями во внешнеэкономической конъюнктуре страны, в первую очередь, за счет многократного роста экспортных поступлений. При этом, что примечательно, самые низкие значения индекса внешнеэкономической стабильности приходятся на 1991 и 1998—1999 гг. — т.е. годы, действительно сопровождавшиеся политическими потрясениями критического (1991) и некритического (1998—99) уровней. На наш взгляд, эта корреляция служит еще одним подтверждением исходной гипотезы.

Рис. Показатели внешнеэкономической стабильности РФ на основе предложенного индекса

Данные по годам приводятся на конец года. Прогнозные данные на 2012—2016 гг. получены с использованием теории вероятностей

Согласно представленной схеме мы можем сделать предположение о том, что потенциально критически опасным для политического режима является снижение значения индекса ниже 0,5 пункта. В 1991 г. его снижение до 0,4 (или даже чуть ниже) спровоцировало непоправимые последствия для политического режима. В 1998 г. снижение почти до этого же значения (0,42) привело к политическому кризису, который, однако, оказался разрешаемым, не вызвал масштабной дестабилизации. В 2000-е гг. ситуация выправилась, и к 2008 г. индекс вырос почти в четыре раза по сравнению с 1999 г.

Следует отметить, что, к сожалению, установить точное значение индекса Е на 1991 г. является очень сложной задачей. При этом точные данные именно по этому году необходимы для нашей методологии в качестве соответствующей отправной точки.

Проблема заключается в том, что имеющиеся данные по состоянию отечественной экономики в период конца 1980-х — начала 1990-х гг. отличаются очень большими расхождениями и неточностями. Во многом эта ситуация обусловлена естественными условиями того времени — развалом народного хозяйства СССР (в том числе и целенаправленным), утратой государством контроля над экономикой.

Однако нам представляется, что присутствующая сегодня в исследовательской литературе противоречивость и путаница таких, казалось бы базовых экономических показателей того периода (и особенно 1990—1991 гг.), как объем экспорта, внешнего долга, ВВП, создавалась умышленно, чтобы скрыть и запу-

тать реальные процессы, происходившие в то время (а также собственную роль в этих процессах), фальсифицировать и мифологизировать историю страны.

Одним из выдающихся мифологизаторов экономической истории СССР следует признать Е. Гайдара. В своей известной книге «Гибель империи. Уроки для современной России» (См.: [3]) он обильно перемешал реальные и сфабрикованные экономические данные, нагнетая впечатление безвыходности экономического положения позднего СССР. К сожалению, нередко даже серьезные исследователи в своих работах ссылаются на искаженные статистические данные, приведенные Е. Гайдаром, что, само собой, приводит и к искажению полученных выводов и отдалает нас от выявления реальных экономических причин, которые могли оказать влияние на распад СССР. Нам давно необходимо воссоздание реальной экономической истории периода 1980—1990-х гг.

Вопрос: «был ли и насколько распад СССР детерминирован внешнеэкономическими факторами, и в первую очередь, ухудшением внешнеэкономической конъюнктуры и каким было критическое значение внешнеэкономических параметров, приведшее к развалу страны?» представляет не сугубо исторический интерес и актуален для нашего времени. Сегодня же, когда веб-сайты государственных организаций, министерств и ведомств дают очень мало информации по этому периоду, а исследовательская литература пестрит серьезно различающимися данными, поиск правильного и однозначного ответа на этот вопрос существенно затруднен.

Конечно, разгребать эти авгиевы конюшни ложной и непроверенной информации неблагоприятное занятие, тем не менее, некоторые исследователи сегодня занимаются этой работой, борясь с распространенными экономическими мифами. На наш взгляд, особенной поддержки на этом фоне заслуживают деятельность С. Глазьева, С. Кара-Мурзы, а также А. Илларионова (См.: [2]), в своем блоге многократно дезавуировавшего данные, приведенные Е. Гайдаром. Во многом решению поставленной исследовательской задачи помогают западные исследования, дающие преимущественно взвешенные и реалистичные результаты.

Если взглянуть на современную ситуацию в России с точки зрения шкалы, представленной на рисунке, может создаться впечатление, что уровень устойчивости политического режима очень высок и несравним с параметрами 1990-х гг., Россия давно покинула опасную зону и в ближайшие годы возврат к ситуации высоких рисков маловероятен. Однако на самом деле это не совсем так.

Параллельно увеличению экспортных поступлений росла и зависимость страны от внешней торговли, выраженная в увеличении доли экспорта в ВВП. Вследствие этого потенциальное ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры может оказать значительно более ощутимое влияние на экономику страны и социальную сферу, чем прежде. Из-за фактической деиндустриализации страны, отказа от целого ряда импортозамещающих производств зависимость от внешнеэкономической деятельности стала поистине критической. И она будет дополнительно обостряться после вступления России в ВТО и окончательного открытия внутренних рынков.

Мы полагаем, что, так как витальная краткосрочная зависимость современной России от экспортно-импортных операций увеличилась в последнее десятилетие, было бы оправданным ввести некий корректирующий коэффициент-дефлятор, учитывающий девальвацию значений индикатора E по мере увеличения доли экспорта в ВВП. Например, если в 1991 г. экспорт составлял по разным подсчетам примерно $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{11}$ ВВП страны (по ППС), а в 2011 г. — 22%, логично предположить, что и эмпирически установленная критическая черта индекса внешне-экономической стабильности, если соотносить ее с 1991 г., должна быть в настоящее время в два раза выше, т.е. находиться не на уровне 0,4, а 0,85. Таким образом, можно сделать вывод, что современная экономическая ситуация оказывается вовсе не такой стабильной, какой она представляется на первый взгляд.

Однако применение данного оправдывающего себя подхода сопряжено с целым рядом трудностей. Первую проблему составляет, как уже отмечалось, отсутствие достоверных данных по периоду начала 1990-х гг. К сожалению, задача вычисления достоверных значений ВВП СССР и РСФСР оказалась непростой как для отечественных, так и западных экономистов. Поэтому в этом вопросе нам придется полагаться на достаточно широкий разброс оценок. Вторая сложность — неизбежные методологические проблемы расчета ВВП, особенно характерные для нашей страны. Как известно, ВВП в СССР стал рассчитываться лишь в конце 1980-х гг., причем методики его расчета не вполне подходили для плановой экономики, часто выдавая искаженную картину. Нестабильность национальной валюты в 1990-е гг. тоже не способствовала получению адекватных сопоставительных результатов.

Выделяют номинальный и реальный ВВП. Номинальный (абсолютный) ВВП выражен в ценах того года, на который он рассчитан. Однако в российском случае путаницу вносит прямая зависимость объема номинального ВВП от валютного курса, при том, что валютный курс рубля мог изменяться очень быстро. Поэтому опора при расчетах именно на уровень номинального ВВП при явно заниженном курсе рубля и высокой инфляции может привести нас к нелепым выводам: например, согласно распространенным статистическим данным в 1992 г. (первый год экономических реформ) объем номинального ВВП России при пересчете рублей в доллары по валютному курсу сократился по отношению к СССР в 24 (!) раза. Такой скачок был обусловлен гиперинфляцией в 2500% в год.

Звучит невероятно, но в 1992 г. внешний долг правительства РФ более чем в два раза превышал номинальный объем ВВП. Разумеется, эти данные, мягко говоря, не соответствовали реальному положению вещей.

Еще один пример: известное в свое время заявление Г. Грефа о том, что в период с 1999 по 2001 г. ВВП страны вырос втрое. С точки зрения оценки номинального ВВП — это правда, однако реальный ВВП за этот период увеличился лишь на 20%.

Получается, что в условиях финансовой нестабильности 1990-х гг. оценки ВВП, привязанные к валютному курсу, могут вообще не иметь экономического смысла. Несмотря на то, что экономическая ситуация в стране, как и курс рубля

в целом, стабилизировались в 2000-е гг., и соответствующие значения номинального ВВП подходят для использования в качестве источников данных для сравнительного анализа, нашей задачей является выявить корреляции современных экономических показателей с данными 1990-х гг., что опровергает эвристическую оправданность сравнения объемов экспорта и номинального ВВП страны.

Более целесообразно оказывается использование для этой цели показателей реального ВВП (внутренний валовой продукт, скорректированный на ежегодную инфляцию). Значительный интерес также представляют оценки ВВП, привязанные к паритету покупательной способности (ППС). Поэтому для решения поставленной исследовательской задачи — а именно разработки подходящего дефлятора для индекса внешнеэкономической стабильности России — представляется целесообразным использование следующей методики.

1. На основании доступных источников мы определяем долю экспорта в реальном ВВП и ВВП, рассчитанным по ППС в разные годы. Полученные результаты наших расчетов выглядят следующим образом (см. табл.):

Таблица

Доля экспорта в ВВП РСФСР/России в различные годы
(Данные на конец года)

Год	Доля экспорта в реальном ВВП	Доля экспорта в ВВП, рассчитанном по ППС
1991	1/9,7	1/11
1998	1/6,25	1/7,7
1999	1/6,6	1/8,2
2011	1/3,65	1/4,6

Мы не случайно проявляем избирательность при выборе временных координат исследования. 1991 г. рассматривается как критическая точка индекса для нашей страны, за которой последовала смена политического режима, 1998 и 1999 г. — как период нестабильности, приблизившийся к критическому порогу, но не перешагнувший его. 2011 г. был выбран как наиболее актуально отражающий современное состояние российской экономики (последние реальные данные доступны именно за этот год). Таким образом, базовое предположение таково: сравнительные значения индекса в 1998—1999 гг. с учетом дефлятора позволят нам определить ту грань, когда политическая ситуация нестабильна, но все еще управляема; соответствующий показатель 1991 г. может указать на ту грань, когда происходит утрата управляемости; а дефлированное значение индекса 2011 г. позволит более точно охарактеризовать современную ситуацию.

2. Полученные соотношения переносятся на представленные на рисунке значения индекса внешнеэкономической стабильности. В качестве отправной точки рассматриваются показатели 1991 г. (напомним, индекс равен 0,38). Дефлятор 2011 г. рассчитывается следующим образом: для сравнения с реальным ВВП ($9,7/3,65 = 2,65$), для сравнения с ВВП по ППС ($11/4,6 = 2,4$). Теперь разделим индекс 2011 г. — 1,62 на полученные значения. Получается, что с учетом дефлятора индекс Е на конец 2011 г. оказывается значительно ниже первоначального и равен 0,61 (реальный ВВП) и 0,68 (ВВП по ППС).

В результате проведенных расчетов (и округлений) мы получаем следующую картину:

1991 — 0,38—0,4;

1998 — 0,28 (реальный ВВП) и 0,3 (ВВП по ППС);

1999 — 0,29 (реальный ВВП) и 0,33 (ВВП по ППС);

2011 — 0,61 (реальный ВВП) и 0,68 (ВВП по ППС).

Как видим, результаты оказываются достаточно неожиданными: уровень внешнеэкономической устойчивости в период кризиса конца 1990-х гг., когда правящему режиму удалось предотвратить нежелательное для себя развитие политических событий и сохранить стабильность, оказался ниже, чем в начале 1990-х гг. Тем не менее, полученные результаты вполне поддаются объяснению, на их основании можно сделать следующие выводы.

1. Распад Советского Союза, ликвидация КПСС и последовавший развал прежде единого народного хозяйства не были детерминированы экономическими факторами в той степени, в которой нам преподносит это сегодня «официальная версия», и не являлись экономической необходимостью. На наш взгляд, указанные события имели скорее волюнтаристское объяснение и были связаны с отсутствием желания элит поддерживать стабильность системы, а также их стремлением сменить экономическую модель. Получается, что речь идет, прежде всего, о дестабилизации «сверху».

При этом, учитывая различия в имеющихся оценках, мы не исключаем возможности того, что на самом деле индекс устойчивости экономики страны по сравнению с показателями последующих (уже реформенных) лет был выше. Так, например, долларовая оценка реального ВВП РСФСР в ценах 1990 г., полученная методами моделирования спустя несколько лет, составляет 1735 млрд долл. в 1991 г. и 1940 в 1990-м.

При этом внешнеэкономические показатели экономики СССР (если сравнить объем экспорта с ВВП по ППС не РСФСР, а всего СССР) были еще дальше от критической черты. К тому же особенности расчета ВВП в то время почти всецело опирались на показатели реального сектора, услуги нерыночного сектора игнорировались, а валютный курс был несправедлив к покупательной способности советского рубля. Неслучайно, по оценкам ряда зарубежных специалистов, ВВП СССР в 1987 г. составлял 58% ВВП США.

В предыдущей статье мы безусловно признали очевидный факт, что в период перестройки элита действительно затянула страну в сложное экономическое положение (что было отражено в соответствующем снижении индекса внешнеэкономической стабильности в 1984—1991 гг.), но похоже, что из него были и иные выходы.

Более того, можно сделать вывод и о том, что печально известные события 1993 г. также представляли собой, в первую очередь, дестабилизацию «сверху» и напоминали скорее спланированный военный переворот, нежели «результат хаоса», т.е. выход ситуации из-под контроля вследствие объективных экономических и социальных факторов. Несмотря на некоторое снижение индекса Е, до начала осенних событий валютный курс рубля даже стабилизировался.

2. Повышенная устойчивость режима в 1998—1999 гг., на фоне крайне неблагоприятной экономической ситуации, наоборот, была связана с твердым желанием и мотивацией элиты сохранить стабильность политического режима практически любой ценой. Но что послужило сглаживающим фактором в условиях не только практического отсутствия «подушки безопасности», но и огромного дефицита денег в экономике? Дело в том, что в 1990-е гг. роль нерыночных, неэкономических факторов была значительно выше, чем сегодня: «неформальная экономика», бартер, самоотверженность людей доходили до того, что очень большая часть экономики и социальной сферы адаптировалась к работе практически без денег.

Обращает на себя внимание и сохранение неэкономической социальной мобилизации. В 1998 г. доля бартерных операций в российской экономике повысилась до 51%.

Несмотря на явную ненормальность такого значения, не в этом ли заключалась одна из причин того, что экономика смогла адаптироваться к кризису и промышленное производство в стране выросло в 1999 г.? Судя по всему, на экономическую устойчивость страны положительно влияет не только финансовая «подушка безопасности», но и иные экономические и социальные (в том числе и психологические) резервы, накопленные обществом в предшествовавший кризису период.

3. Ключевым фактором устойчивости в российских условиях является желание и готовность элиты поддерживать стабильность существующего политического режима, а также ее способность к мобилизации и нахождению консенсуса для реализации этой цели. Наличие или отсутствие данного фактора может существенно повышать устойчивость режима перед лицом ухудшающейся экономической конъюнктуры. Еще одним важным фактором является экономическая, политическая и даже психологическая поддержка западного сообщества. В 1991 г. Запад подталкивал элиту к дестабилизации и распаду страны, в 1998—1999, наоборот, способствовал сохранению слабого, но выгодного для себя режима Б. Ельцина.

Необходимо определить, что понимается под политической стабильностью.

Согласно распространенному определению бывшего директора Института всемирного банка Д. Кауфмана, уровень политической стабильности определяется «вероятностью того, что правительство, находящееся у власти, может быть дестабилизировано или свергнуто возможными неконституционными и/или насильственными мерами, включая политически мотивированное насилие и терроризм» [5].

Однако в современных российских условиях речь идет не столько об угрозе беспорядков или даже революции «снизу» из-за экономических проблем, сколько о вероятности достижения некоторого критического значения внешнеэкономических параметров и обусловленного этим кризиса в стране и потере управляемости, разрушения элитного консенсуса, «разброда и метаний» региональных лидеров и новой внешнеполитической капитуляции. На наш взгляд, в России существует возможность дестабилизации и «сверху», как было в 1991 г. Главным вопросом

становится: до какой точки элита готова терпеть риски и возможное ухудшение экономической ситуации, чтобы не сдать страну? Т.е. сбежать из нее, выводя свои капиталы, или инициируя неблагоприятные процессы в регионах, прежде всего, в национальных республиках.

Значительную часть элиты в стране держат только интересы, бизнес, прибыль. Когда возможности извлечения прибыли сократятся, а риски вырастут, зачем им будет нужна Россия и ее национальные интересы? На каком уровне экономической ситуации, отображаемой рассматриваемым индексом, критическая масса представителей нынешней элиты потеряет желание во что бы то ни стало поддерживать стабильность всей системы.

Мы полагаем, что в случае ухудшения внешнеэкономических параметров России, соответствующих снижению дефлированного индекса ниже значений 0,5—0,4 (от которого, как было показано, нас отделяет не такая большая разница), мы снова рискуем оказаться в точке бифуркации, когда решение о реализации или нереализации следующего катастрофичного для страны сценария будет приниматься узким кругом преимущественно космополитичной транснационализированной элиты по указке западных стран. Дефлированный индекс на уровне 0,25 и ниже, по всей видимости, означает достижение точки невозврата.

В современной России, несмотря на послекризисное восстановление ключевых экономических показателей, вероятность их снижения до критических значений все еще сохраняется. Более того, в настоящее время невооруженным глазом заметны неблагоприятные тенденции, нередко маскируемые экономической статистикой. Да, в последние годы выросли и экспорт, и ВВП страны.

Однако до сих пор вызывает споры вопрос о том, сумела ли Российская Федерация действительно догнать и превзойти ВВП РСФСР 1990 г. Здесь особенно обращает на себя внимание увеличение доли сектора услуг и спекулятивной составляющей за счет реального сектора в современном российском ВВП. Увеличение объемов коррупционной составляющей экономики тоже является важным негативным фактором, ограничивающим развитие и стабильность [1]. Вполне возможна разработка и применение к индексу дополнительных дефляторов, например коррупционного.

Однако есть и еще один значимый негативный фактор, наравне с коррупцией девальвирующий макроэкономические параметры «путинской стабильности»: ни для кого не секрет, что в России 2000-х маркетизация (или монетаризация) социума достигла принципиально нового уровня, по сути, вся социальная структура строится вокруг денег, или иначе: покупается и продается практически все.

Если в 1990 — первой половине 2000-х гг. роль нерыночных, неэкономических факторов в обществе все еще была значительно выше, существовали широкие возможности неэкономической социальной мобилизации, в том числе и для поддержки существующей власти и ее курса, то сегодня возможности такой мобилизации очень ограничены. Чтобы осуществить какое-то даже незначительное социально-политическое действие «сверху», в современной России нужно потратить значительную сумму.

Создается такое впечатление, что в современной России лояльность масс, организаций, различных групп населения к правящему режиму только покупается или обеспечивается административным ресурсом, причем второе не сильно отличается от первого. Например, даже для того, чтобы обеспечить позитивные комментарии и оценки деятельности власти в Интернете, потребовалась финансируемая государством программа создания «киберпехоты». Получается, что даже оказывать поддержку в Интернете действующей власти бесплатно население в целом не готово.

При возможном сокращении вливаний денег в нашу экономику будет усиливаться ее дисфункция, оставшиеся же промышленные и социальные объекты и инфраструктура относятся к самому минимуму, необходимому для выживания и поддержания базового уровня стабильности и целостности государства, а потому их трудно рассматривать как потенциальный ресурс для экономии. То же и во всем обществе — армия контрактная, медицина и образование — платные и т.д.

Всё, включая и госслужбу, и государственные институты, дрейфует в сторону коммерциализации, и вектор этих процессов задается и поддерживается «сверху».

Последние резервы массовой социальной мобилизации, столпы безвозмездной поддержки правящего режима — армию бюджетников, или «людей, дававших присягу» — МВД и вооруженные силы — власть сама сокращает или своей политикой «приручает к деньгам». Легитимность политического режима, как и лояльность социальных групп и региональной элиты, все больше привязывается к обещаниям финансирования как к доминирующему фактору. А что может произойти, если вследствие ухудшения ситуации на мировых рынках резко сократятся возможности государственного финансирования?

Конечно, есть способ исправить потенциально неблагоприятную ситуацию — девальвировать рубль, как это было в 1998 г., и тем самым опять перенести проблемы экономики на плечи граждан, решать проблемы за их счет. Даже в краткосреднесрочной перспективе не стоит отменять этот сценарий. Но, как представляется, есть существенные ограничения применения такого подхода с точки зрения стабильности и возможного роста протестных настроений. Дело в том, что, как уже отмечалось, легитимность власти строится не на стабильных структурах и институтах и не на широко инкорпорированной населением идее, а на поддержании определенного уровня жизни политически значимых групп населения, невозможном без стабильности экономики.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Небольшие различия в оценках связаны с расхождениями, характерными для доступных экономических данных по периоду конца 1980-х — начала 1990-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Белковский С.* Конец экономики РОЗ. URL: http://triadsky.ucoz.ru/blog/stanislav_belkovskij_konec_ekonomiki_roz/2010-08-08-30
- [2] Блог А. Илларионова. URL: <http://aillarionov.livejournal.com>

- [3] *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
- [4] *Иванов В.Г.* Влияние динамики экспорта на уровень политической стабильности на примере России // Вестник РУДН. Серия «Политология». — 2012. — № 3.
- [5] *Kaufman D., Kraay A. & Mastruzzi M.* Governance matters VII: Governance indicators for 1996—2007. World Bank Policy Research Working paper 4654. — 2008. URL: <http://ssrn.com/abstract=1148386>

**THE PROGNOSIS OF POLITICAL STABILITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE BASIS
OF CALCULATION OF THE INDEX
OF NATIONAL EXTERNAL ECONOMIC STABILITY**

V.G. Ivanov

Department of Comparative Politics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

M.O. Potashina

Department of Philosophy and Political Science
Academy of Labor and Social Relations
Lobachevskogo str., 88-90, Moscow, Russia, 119454

The article contains the development of ideas presented in the previous issue of the bulletin. On the basis of the proposed by V.G. Ivanov methodology of calculation of the index of national external economic stability there has been prepared the short- mid-term prognosis of the level of stability of the Russian political regime. With a glance to the specificity of the development of the Russian Federation the methodology of calculation of the deflator of the referred index has been worked out as well.

Key words: political stability, prognosis, the index of external economic stability, export, political process.